

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Неолитические погребения Западного Прибайкалья стали известны сравнительно рано. Специалистам хорошо известны классические в своем роде китойские находки ссыльнопоселенца, участника польского восстания 1863 г. Н. И. Витковского, сделанные шестьдесят восемь лет тому назад. Это было первое в России открытие такого рода памятника «лесного неолита». Материалы Китойского могильника впервые дали яркое представление о жизни людей неолита в Сибири. Они сразу же нашли признание в мировой науке и до сих пор, как мы увидим, не утрачивают своей выдающейся научной ценности. Сейчас в долине Ангары, где несколько десятков лет тому назад начинал свою научную деятельность археолога тельминский батрак и «поселенец» Витковский, только с 1932 по 1937 г. в области археологии сделано во много раз больше, чем за все время до Октябрьской революции. Обследована вся долина Ангары от Байкала до Братска на протяжении 1800 км, и впервые составлена ее археологическая карта—доведено до конца, вопреки «гнусу», тайге и ангарским порогам, дело, начатое тем же Витковским, который смог в царское время только бегло проехать вниз по Ангаре на ямских лошадях и лодках. Что касается неолита, то до революции, кроме Китойского, в литературе был известен один огромный, но целиком разрушенный могильник в Глазково. Теперь на Ангаре зарегистрировано 69 новых неолитических кладбищ, раскопаны многие десятки замечательных погребений.

Невиданный прежде размах археологических исследований, обусловленный бурным культурным ростом края, вниманием и постоянной поддержкой этой работы со стороны органов советской власти и общественности, сказался и на состоянии изучения памятников так называемого «сибирского неолита», т. е. по преимуществу неолита тайги Прибайкалья, на общих представлениях о нем. В первую очередь должны быть отмечены сдвиги во взглядах на последовательность смены неолитических памятников во времени—относительную хронологию местного неолита.

Раньше существовала абстрактная трехчленная схема: «раннего неолита», с оббитыми только орудиями; «среднего», с керамикой сначала, а затем и со стрелами; наконец, «позднего», с изделиями из нефрита и импортными вещами из бронзы. Анализ находок из поселений, в частности, известной байкальской стоянки Улан-Хада, которая считалась «естественной хронологической шкалой» для всех звеньев неолита, привел к выводам

о полном несоответствии старой схемы тем материалам, на которых она была построена. Особенное значение имели новые работы над материалами погребений неолитического времени в Прибайкалье. Эти погребения, впервые найденные в устье Китоа, являются пока единственным в своем роде по историко-археологической ценности источником такого рода.

Так, на восток от Байкала неолитические погребения известны только в двух-трех пунктах (окрестности Верхнеудинска, местн. Тулту, Дабан, Сретенск). На запад от Братска лишь в 1937 г. найдены неолитические погребения по Ангаре, на Енисее—в Базаихе, на «Астоитовой горе», «Перевозной» стоянке в Красноярске, на Алтае у Барнаула («Чудацкая гора»). Даже в Европейской части Союза, где издавна велись исследования лесного неолита—с «ямочно-гребенчатой» керамикой—только в последние годы найдены погребения (Ю. Олений остров на Ладожском озере, оз. Лаче, Языково).

Внимательный анализ богатых вещами, своеобразных и часто резко отличных друг от друга по ритуалу неолитических и примыкающих к ним раннеметаллических (энеолитических) погребений привел к выводу о их разновременности и об ошибочности старой схемы, согласно которой все погребения, где найден нефрит, относятся к «позднему неолиту», т. е. ко времени появления металлов в Прибайкалье. Наоборот, поселения, считавшиеся «ранне неолитическими», удалось синхронизировать с определенными группами погребений, и притом даже не самыми ранними. Положено, следовательно, начало новой классификации памятников неолита Прибайкалья и периодизации их в рамках относительной хронологии; достигнуто основное условие для использования этих исключительно ценных находок, как исторического источника, раскрывающего существенные черты далекого прошлого Сибири.

Различные группы погребений и отчасти близкие к ним комплексы находок в поселениях по отдельным, наиболее ярким, находкам условно названы хиньской, исаковской, серовской, китойской, глазковской, тиверской. По названным группам памятников, по крайней мере, основным пяти,

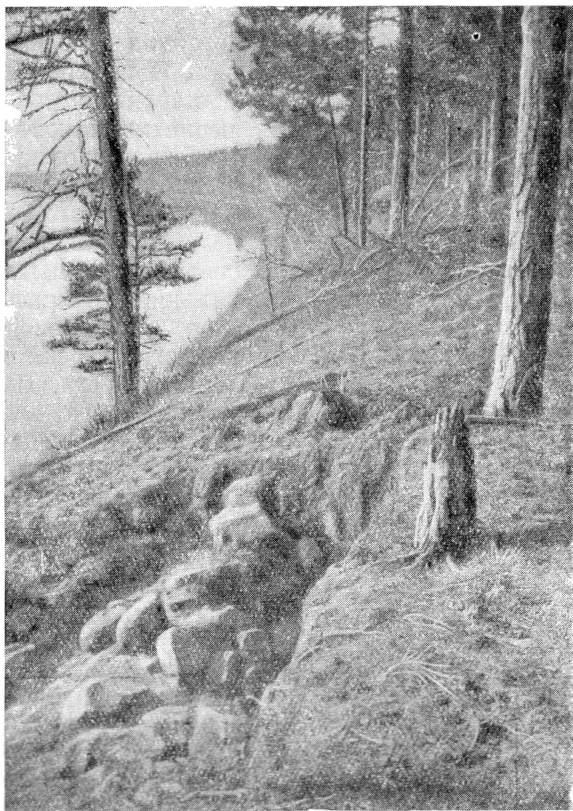

Рис. 1. Общий вид неолитического могильника на Ангаре. На переднем плане могильная кладка

за исключением малоизученной хиньской, могут быть условно обозначены и определенные стадии—отрезки неолитического времени, в течение которых они существовали. Сравнивая одну стадию с другой, нетрудно убедиться, что быт людей и культура их в неолите не оставались неизменными, что в них происходили глубокие сдвиги и неуклонно шло общее развитие, определявшее последовательную смену этих групп памятников.

Исаковская стадия

Могильники исаковской стадии найдены в нескольких местах Ангары. Наиболее обширный из них, Пономаревский, по своему расположению и характеру дает наглядное представление о неолитических могильниках Восточной Сибири вообще. Пономаревские погребения найдены на высоком правом берегу Ангары, на мысу в устье пади. Это место большую часть дня залито солнцем, оно защищено от ветров господствующей сверху возвышенностью коренного берега. С могильника открывается вид на широкий простор расстилающейся внизу речной долины, на изгибы реки и уходящую вдаль панораму левого берега. В неолите здесь кругом стояла глухая тайга, в лесу водились лоси, изюбры, дикие козы, медведи, иногда появлялся северный олень. В реке кишела рыба, водилось много водной дичи.

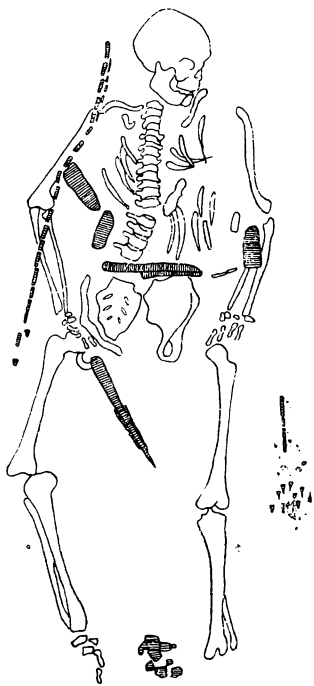

Рис. 2. Погребение исаковской стадии из Пономаревского могильника (№ 10). Справа, у руки, остатки нак. копья вкладышевого типа

Люди исаковского времени, хоронившие своих покойников на нынешнем Пономаревском мысу под мощными кладками из дикого камня, естественно, были охотниками по преимуществу. Они сопровождали мертвых «в далекий путь» прежде всего охотничьим вооружением. В их могилах найдены прекрасные по техническому совершенству и исключительные по размерам костяные наконечники копий длиной до 50 см, со вставленными в специальные пазы острыми ножевидными пластинками из кремня. Это было страшное оружие, ничем не уступавшее обычным каменным наконечникам копий. О наличии примитивного лука свидетельствуют характерные каменные наконечники стрел с асимметрично вогнутой базой (в виде хвоста ласточки).

Охотнику требовались и однолезвийные костяные кинжалы и ножи со вкладными лезвиями, кремневые ножи, сходные по форме с наконечниками копий, для свежевания зверя. Обилие шлифованных асимметричных в профиле тесловидных, иногда с желобчатым лезвием, орудий из кременистого сланца может быть связано с потребностью в устройстве мелких ловушек, охотничьих изгородей и ловчих ям для крупного зверя. Домашнюю работу обслуживали полулунные ножи из сланца (для раскройки шкур, обработки дерева), скребки, иглы и шилья, игольники (футляры для игл) в виде гладких трубочек. Резким своеобразием по сравнению с находками в других областях отличается керамика, пред-

ставленная сосудами простейшей параболической формы с оттисками «плетенки» (грубой ромбической сетки) на внешней поверхности. Орнамент чрезвычайно прост и скуден—в виде одного пояса из круглых ямочек у

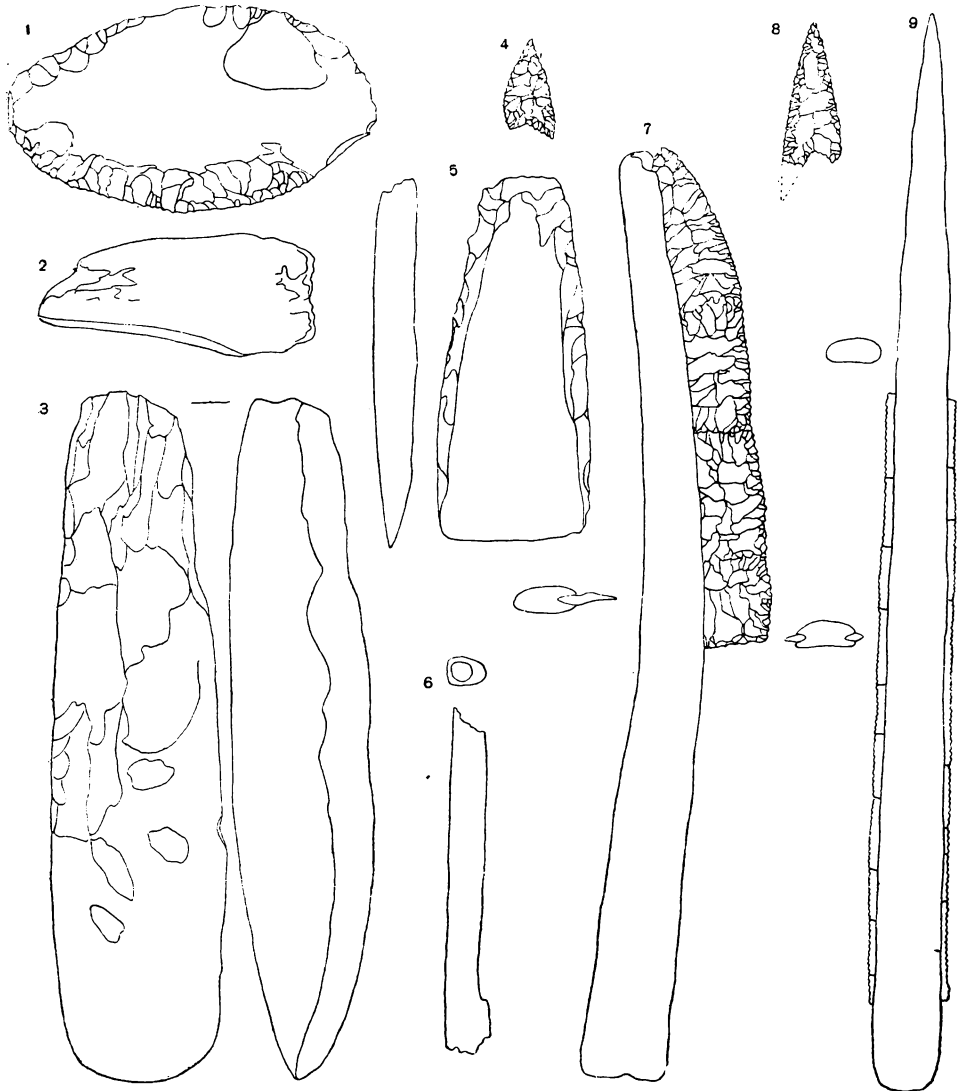

Рис. 3. ИСАКОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—скребло, 2—нефритовый нож, 3—желебчатое тесло из сланца, 4, 8—кремневые наконечники стрел, 5—тесло из сланца, 6—игельник из кости птицы, 7—нож вкладышевый, кривой, 9—нак. копья, костяной, с вкладными лезвиями.

№ 1 из Исаковского могильника, № 2—9 из Пономаревского могильника, погреб. 10-е:

края сосуда. Древний охотник украшал себя целыми клыками кабана (в виде «диадемы» на лбу), грушевидными бусами из атрофированных клыков оленя.

Все исаковские находки производят впечатление глубокой архаичности и крепкой связи с еще более древним охотничьим бытом. Костяные

наконечники копий, например, близко напоминают такие же вещи из позднего палеолита Сибири, скребла тоже совершенно сходны с палеолитическими. Широкое употребление мамонтовой кости для изготовления не только украшений, но и оружия, также дает право вспомнить о людях

Рис. 4. Сосуд исаковского типа.
Пономарево, погр. 12-е.

древнекаменного века, о их резчиках и скульпторах, достигших в свое время поразительного совершенства в обработке бивней мамонта.

В исаковских памятниках можно видеть отражение очень древних традиций, восходящих к верхнему палеолиту Сибири и имеющих в своей основе сохранение и развитие элементов древнего охотничьего производства и быта, слагавшегося в течение многих тысячелетий.

В связи с этим следует указать, что более глубокое изучение соотношения самых ранних (типа Мальты, Бурети) и позднейших палеолитических памятников Сибири приводит, во-первых, к выводу об их прямой, но не примитивно-эволюционной связи; во-вторых, о том, что так называемые «мустьероидные» элементы, характерные для позднего палеолита, обозначают не переживание «древнего», а становление «нового» в технике и быту. Отсюда же следует вывод о генетической связи так называемого позднего палеолита и ранних звеньев развитого неолита и, следовательно, иной, чем прежде, взгляд на проблему раннего «докерамического неолита» в Сибири, как совпадающего с мнимо-«архаичным» поздним палеолитом («мезолитом», по принятой на Западе терминологии).

Серовская стадия

Погребения следующего, серовского, комплекса очень близки по ритуалу и формам захоронения к исаковским. Сближает их и ориентировка (преобладают погребения, в которых костяки обращены головой на северо-восток, север, т. е. глазами к солнцу). Инвентарь, однако, сильно усложняется по составу и становится гораздо более развитым по форме вещей и специализированным по функциям, чем раньше. Резкий прогрессивный сдвиг в технике отражен особо отчетливо появлением особого типа лука (16 экземпляров). Лук состоял из дерева, но был снабжен двумя длинными (около 65 см каждая) костяными пластинами-обкладками и был равен в длину человеческому росту¹.

Тот же прогрессивный сдвиг отражен изменениями, наблюдающимися в керамике. Происходит смена прежних параболоидных сосудов новыми — «митровидными», т. е. обладающими отчетливо выраженной шейкой и выделенным венчиком. Есть подвесные сосуды — «фляги» с ушками. Кроме ямочного, появляется гусенично-«гребенчатый» и «гребенчатопунктирный» орнамент; орнамент композиционно усложняется и обогащается. Следы сетки-плетенки намеренно устраняются, сглаживаются. Характерно появление скульптурных фигурок рыб из камня, которые могли служить, судя по сравнительным этнографическим данным (эвенки

¹ Неолитическое население Прибайкалья было относительно низкорослым.

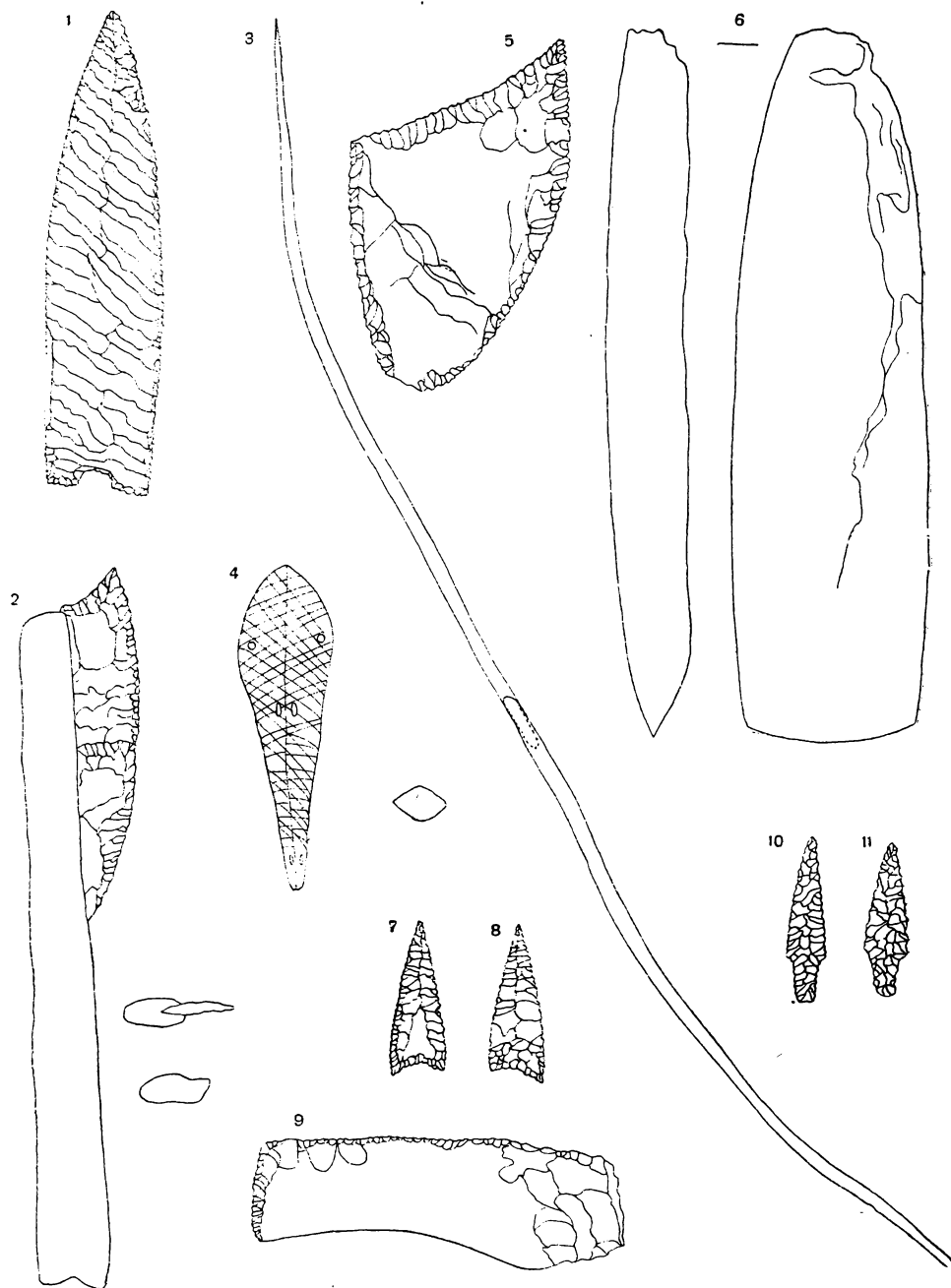

Рис. 5. СЕРОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—нак. копья кремневый, 2—костяной нож с вкладным кремневым лезвием, 3—костяные обкладки лука (сильно уменьшены), 4—изображение рыбы, из мрамора, 5—вкладное лезвие (асимметрично-треугольный нож), 6—тесло из зеленого нефрита, 7, 8—кремневые нак. стрел, 9—нож из сланца, 10, 11—наконечники стрел из кремня.

№ 1, 7, 8 из Серовского могильника, погреб. 1-е. № 2—из Шишкинского мог-ка на Лене, № 3—из мог-ка у д. Бумажкино, погребение 2-е, № 4—Коркинский мог-к на Лене, № 5, 6, 10, 11 из Пономаревского мог-ка, погреб. 7-е, № 9 из Серово, погреб. 3-е

Прибайкалья и Нижней Тунгуски, ороси, алеуты, кереки, сидячие чукчи, обские остяки в XVIII в., эскимосы, алгонкины), рыболовными приманками.

Среди украшений появляются впервые раковинные бусы-кружочки типа «раковинных денег» Океании и Северной Америки, служившие для нашивания на одежду и обувь. Особо должны быть отмечены образцы искусства: скупой и сдержанный геометрический орнамент на бытовых вещах (игольники, шилья, керамические изделия), скульптуры из рога и мягких, легко обрабатываемых пород камня. Чаще встречаются изображения рыб: бычков (широколобок) или налимов, реже костистых рыб

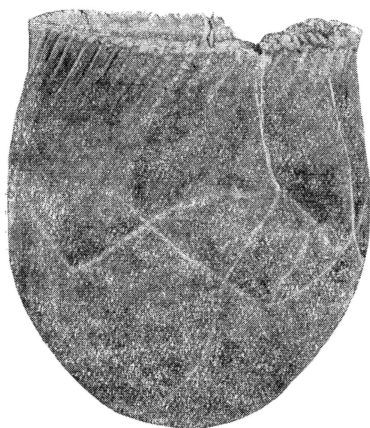

Рис. 6. Сосуд серовского типа.
Мог-к «Городище», погр. 1-е

(омуль, сиг), а также осетра и стерляди. Каменные фигуры рыб в точности повторяют действительные пропорции тела рыб. Столь же удачно бывают схвачены главные детали—жабры, плавники, иногда даже чешуя, переданная ромбической сеткой или насечками. Поразительны скульптурные изображения лосей из Базаихи, датируемые серовскими вещами. Звери изображены с полной правдивостью и в совершенно реалистической манере. Один из них лежит, подогнув ноги. Он вытянул морду и открыл пасть, как бы издавая призывный рев. Другой, лосенок, стоит, опустя голову вниз, и, подняв уши вверх, «прислушивается». Художником выразительно переданы признаки сохатинного тела: крутой горб у передних лопаток, массивное брюхо и длинная морда

с мягко очерченной верхней и отвислой нижней губой. Так точно и жизненно передать вид зверя мог только охотник.

Впрочем печать совершенства лежит не только на образцах искусства в собственном смысле слова.

Общая черта серовских изделий—исключительное техническое совершенство и особое их изящество, даже изысканность, в отделке, форме и самом материале (лучшие по прочности, редкие и наиболее красивые породы камня, например нефрит, различные сланцы, халцедон, яшмы и пр.).

Вместе с тем весь ассортимент этих изделий имеет попрежнему охотничий характер. Даже столь оригинальная принадлежность рыболовства, как «каменные рыбы», служила, по сути, для охоты с помощью гарпуна за водной дичью—рыбой.

В серовском комплексе погребений и одновременных им поселений отражается предельно развитая культура таежных охотников неолитического времени, достигших высокого мастерства в своем основном производстве и в течение тысячелетий максимально приспособившихся к своеобразным естественным условиям тайги.

«Серовская культура» принадлежала людям материнского рода в эпоху его расцвета, как бы отраженного совершенством каменных и костяных изделий этих людей, изяществом первобытно-реалистических произведений их искусства.

Следы коллективных жилищ матриархально-родовых групп тайги имеются в виде больших постоянных очагов из камня и кое-где в виде малоизученных еще остатков прочных домов-землянок.

Строй материнского рода с характерными для него общественным равенством и коммунистическим производством, с высоким и почетным положением женщины, обусловил многие, весьма показательные черты погребальных обычаев.

«Бедных» и «богатых» могил нет. Наоборот, существует своего рода «стандарт» погребального инвентаря, почти обязательный для всех могил, в том числе женских. О прочности общинного быта свидетельствует и облик могильников, частые коллективные захоронения. О почетном положении женщин свидетельствуют их особенно обильные вещами захоронения. О том, что дети принадлежали женщинам, говорят детские погребения, сопровождающие женщин. Женские захоронения с луками и стрелами, с вооружением охотника и воина, по аналогии, живо напоминают о женщинах-воительницах и участницах общинных охот в недавнем, сравнительно, прошлом у бурят, у северных якутов и эвенков; они наглядно показывают, что в конкретных условиях тайги влияние женщин часто покоилось на их активном участии во всех отраслях общественной жизни древнего материнского рода. Столь специфический источник, как погребения, в сочетании с этнографическим материалом позволяет особенно близко подойти к пониманию наиболее сложного вопроса об идеологии древних охотников тайги.

Культовые действия и религиозные представления, связанные с животными, обусловили естественное преобладание звериных сюжетов в искусстве, амулеты и украшения из костей и зубов зверей; ими объясняется наличие целых костяков соболя и челюстей бобра в могилах. Находки медвежьих черепов и оленьих лопаток на Илимских стоянках, очевидно, связаны с обрядовыми действиями, вроде «медвежьего праздника» таежных племен или «праздника воскрешения зверей» у арктических племен. Прямая связь этих звериных образов и сюжетов эпохи неолита с идеологией именно материнского рода становится вполне осязаемой в свете этнографических данных о «праматерях и хозяйках», «владычицах и подательницах всех благ», предстающих всегда в зверином облике.

С первобытно-идеалистической идеологией материнского рода тесно связан и матриархальный в корне (как показывает сибирская этнография) культ огня, значение которого в ритуале и семантике неолитического погребения не может быть переоценено (полное и частичное трупосожжение, угли в могилах и т. д.).

Ориентировка погребений по солнцу и по стране мертвых (север, восток) раскрывает, в связи со следами древних воззрений, пережиточно сохранившихся, например, в фольклоре эвенков, сложную картину представлений людей материнского рода о загробном мире, как «стране сна», «временной обители», откуда души сородичей снова возвращаются самым своим рождением—«воскресением», в среду живых, продолжая вечный круговорот жизни.

К и т о й с к а я с т а д и я

Погребения китойского типа выделяются такой яркой чертой погребального обряда, как ритуальное засыпание тел умерших кровавиком (охрой). Им свойственно также наличие некоторых своеобразных изделий, в первую очередь стерженьков для рыболовных крючков («китойские подвески», «рыбовидные амулеты»).

Ассортимент китойских изделий, наиболее полно представленный еще

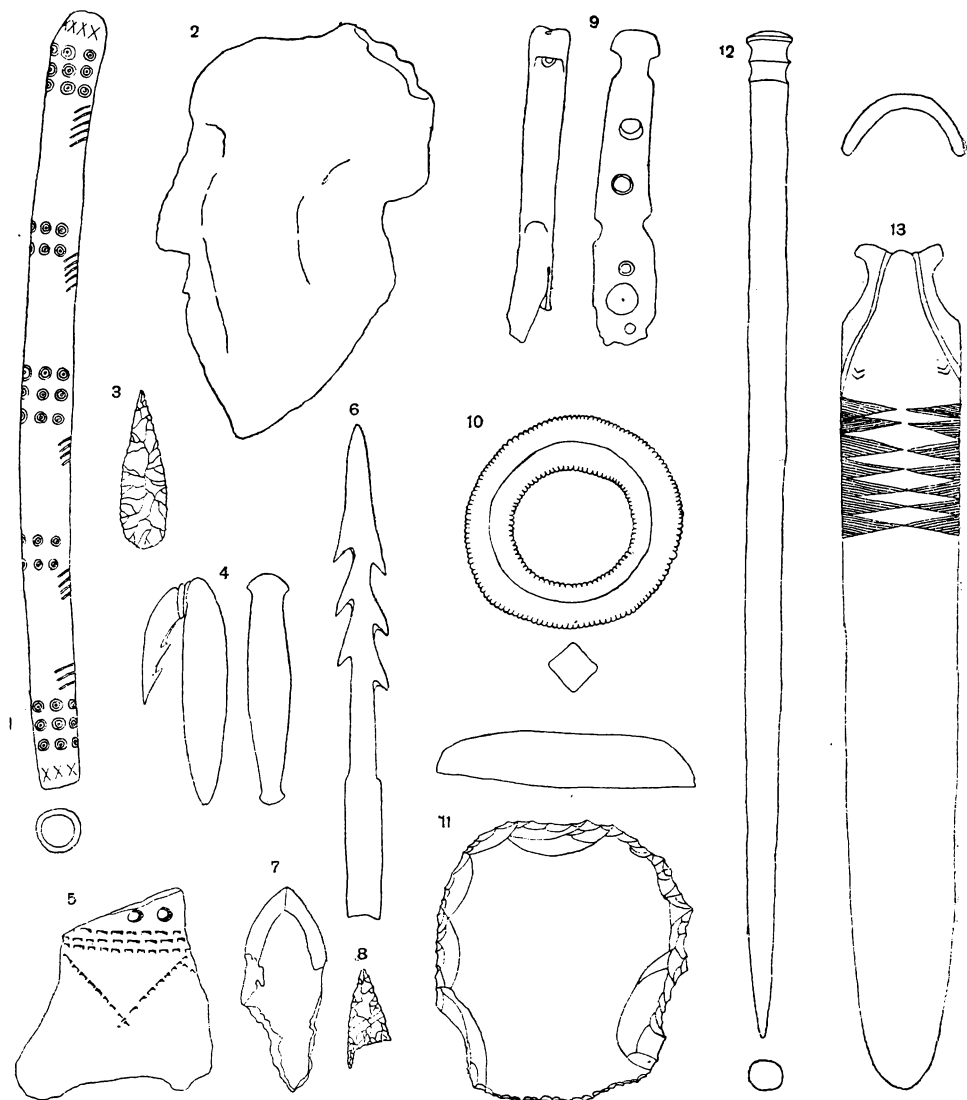

Рис. 7. КИТАЙСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—игольник из кости, 2—изображение головы человека, 3—нак. стрелы из кремня, 4—рыболовный крючок китайского типа, 5—фрагмент сосуда, 6—гарпун из кости, 7—нож из нефрита, 8—нак. стрелы из кремня, 9—мундштук флейты (маньшика), из рога, 10—«браслет» из мрамора, 11—скребло из кварцита, 12—острие из кости, 13—совковидный кинжал из кости.
 № 1—из могильника «циклодром», № 2, 12, 6—могильник около д. Распутино, № 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 13—Китайский могильник (Ярки), № 10—с. Янды (случайная находка)

классическими находками Витковского, в основном сходен с ассортиментом, характеризующим предшествовавшие комплексы, но вместе с тем обладает и резко выраженными особенностями и, по сравнению с ними, показывает дальнейшее обогащение и развитие техники, усложнение быта. Охоту обслуживали крупные рогатины из рога, вкладышевые

наконечники копий из кости (плоские как в Серове, в отличие от ранних—округлых в сечении), наконечники стрел из камня, а также костяные, в том числе шиловидные с односторонне скошенной базой. Исключительно хороши по отделке круглые в сечении стержни, в одном случае с верхушкой в виде двух скульптурных головок животных, кинжаловидные плоские острия, одно из которых богато орнаментировано и имеет рукоять, также украшенную парными головками животных.

В рыболовном снаряжении на первом месте—сложные «китайские крючки», исключительно разнообразные по размерам и материалу, но совершенно одинаковые по форме. Много гарпунов хорошо выработанной формы.

Имеются мотыги из рога, тесла и топоры из нефрита (в том числе белого), ножи древних типов и новых (нефритовые в виде узких пластин с треугольным острием), крупные скребки, двойные бруски для выглаживания древков стрел, иглы и игольники, палетки для растирания красок, «бирки» из кости. Много украшений из клыков кабана, зубов животных, раковин (кружочки-бусы), костяные и каменные (белый мрамор) браслеты. Уникальной является костяная флейта (мундштук), найденная в Китайском могильнике.

Китайским временем датируется замечательная скульптура, изображающая голову человека с характерным «индейским» профилем, с клиновидной бородой и косой (могильник около дер. Распутино). К тому же времени, очевидно, принадлежат схематизированные человеческие фигурки из Глазкова в виде длинных стержней, покрытых резным геометрическим узором. В орнаменте показательно развитие геометрических мотивов и преобладание впервые появившихся «глазчатых» мотивов (кружки с точкой внутри), ромбов и шевронов.

Обилие рыболовных крючков в погребениях, совпадающее с исчезновением прежних совершенных луков серовского типа, с некоторым отеснением охотничьего инвентаря на задний план, дает представление о сдвигах в производстве, о возросшем значении и качественном улучшении способов рыболовства.

Относительно большое количество погребений в Китайских могильниках («Ярки»—классический могильник в устье Китоа, Глазково), возможно, стоит в связи с этим фактом и отражает общий рост населения.

В связь со сдвигами в производстве следует поставить, очевидно, и отмеченную еще Витковским явную дифференциацию погребений и их неоднородность, особенно резкую по сравнению с более ранними погребениями. «Сопровождающие» мужские костяки при мужских же погребениях (циклодром), всего вероятнее, принадлежат рабам-военнопленным. Обращают внимание находки единичных мужских погребений, отличающихся богатством инвентаря; возможно, это были вожди (могильник у села Распутино, циклодром).

Общезвестно, какие трудности представляет анализ первобытной идеологии, тем более по отрывочным данным, тем более отдельных ее элементов, прямая связь которых с целым, с жизнью общества, не может быть выяснена. Скажем, чем объяснить, что только в китайских погребениях (всюду, где они есть) мертвых *сплошь* засыпают охрой, тогда как ранее здесь—с палеолита, и позже—в эпоху металлов, только изредка и понемногу в могилу клали охру. При отсутствии иных объяснений тем более интересны указания Н. Я. Марра на символическое значение в языке термина «кровь», как выражения родства по отцу, сменяющего перво-

начальное родство по матери, символизировавшееся «молоком»; на одновременную смену луны солнцем. Эти указания, возможно, бросают свет одновременно на появление охры, как известно, прямого аналога «крови» в погребениях, и на браслеты, на глазчатый орнамент, семантически тождественные солнцу.

Конкретные условия, в которых происходил процесс формирования отцовского рода, дополнительно выясняются фактами, показывающими рост и усложнение обмена.

Рис. 8. Скорченный костяк энеолитического времени. Низовья Ангары, о-в Сизовский

Классический могильник на Китее принадлежал людям, настолько богатым нефритом, что они снабжали покойников не только прекрасными вещами из местного китойского нефрита, но и заготовками, полуфабрикатами, сырьем. Распространение местного зеленого нефрита показывает силу междубщинного «этапного» обмена, базировавшегося на естественных различиях соседних областей, а «заготовки» китойцев наглядно показывают, в каком виде происходил экспорт ценного камня.

Организационные черты такого раннего обмена, в том числе охрой, хорошо разъясняются и фольклором эвенков, сохранявших раньше и в быту, и тем более в фольклоре, много черт древнего быта своих предков.

Глазковская стадия

«Глазковские» погребения в Прибайкалье—самая многочисленная группа. Их отличает общая ориентировка, на первый

взгляд беспорядочная, лишенная какой бы то ни было системы, но на самом деле строго соответствующая направлению речной долины и капризам русла реки. Есть скорченные костяки и сидячие, найдено одно частичное захоронение—череп. Любопытная и постоянная их черта—расположение сопровождающих покойников вещей отдельными скоплениями, как бы заключенных «в сумки». Инвентарь охотничьего назначения представлен очень немногочисленными наконечниками копий «лавровиственной» формы; есть наконечник стрел из камня, причем последние обычно мелкие и очень разнообразные по форме (есть и «американоидные»—с боковыми выемками у базы). Специфичны костяные наконечники стрел с расщепленной базой.

Рыболовство обслуживали гарпуны, использовавшиеся, судя по их положению в могилах, уже в составе настоящей остроги.

Хорошо представлены рыболовные сложные крючки из кости, камня и простые—из металла, в том числе очень крупные крючья. В это время

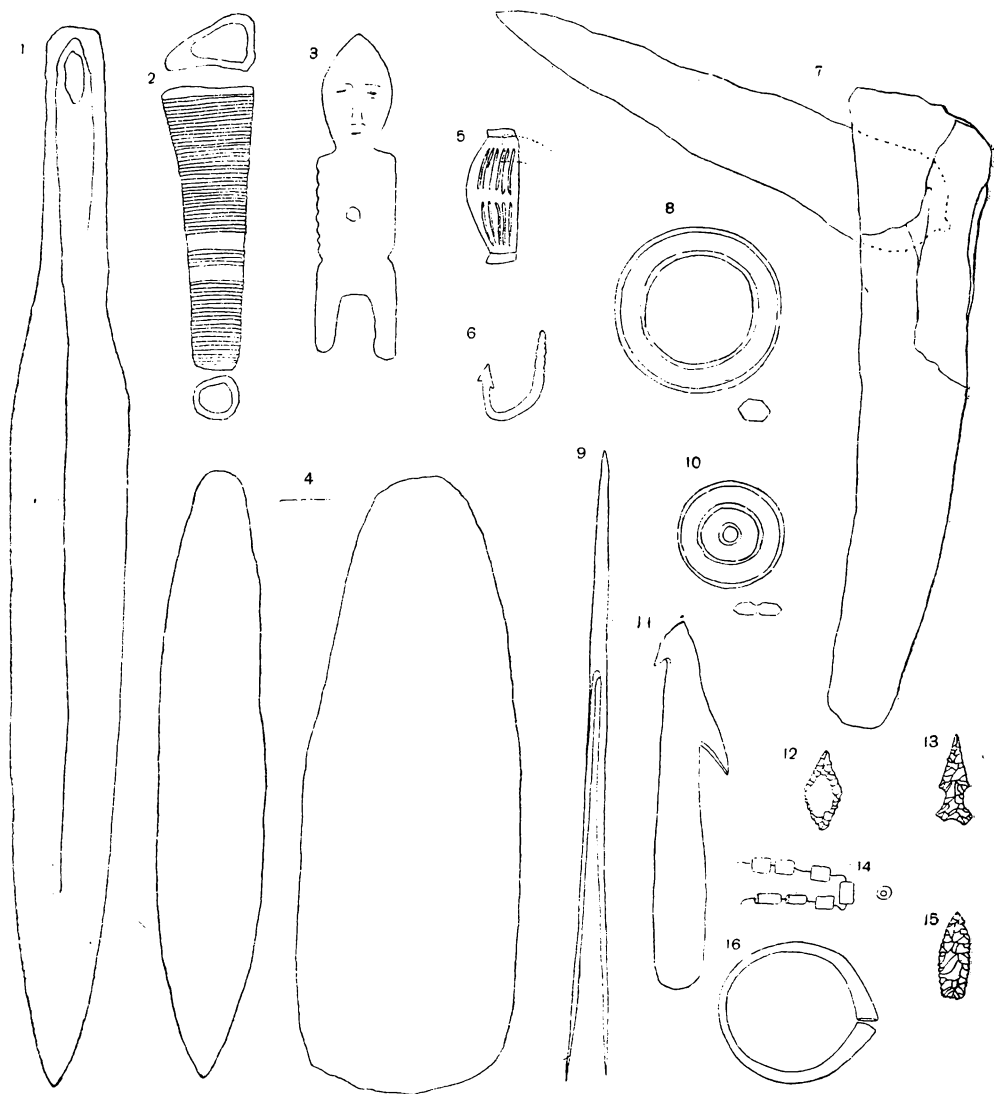

Рис. 9. ГЛАЗКОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—кинжал из кости, 2—игольник из кости, 3—скульптурное изображение человека, из мамонтовой кости, 4—нефритовый топор, 5—стерженек рыболовного крючка из кости, 6—рыболовный крючок из бронзы, 7—бронзовый нож с костяной ручкой, 8—«браслет» из белого нефрита, 9—наконечник стрелы с расщепом, кость, 10—диск с желобками незаконченного распила, белый нефрит, 11—гарпун из кости (малый), 12—13—нак. стрелы из кремня, 14—бусы цилиндрические из «белой пасты», 15—нак. стрелы из кремня, 16—«браслет» из бронзы.

№ 1, 9 из погреб. на ключе Цакюр в долине речки Манзурки, № 2, 4 из пади Нохай, погреб. 3-е; № 3—братский камень, погреб. 1-е; № 5, 6—Усть-Уда, погреб. 8-е; № 7—11—Ленковка, погреб. 1-е; № 8—Аносово, погреб. 2-е; № 10—д. Семеново, погреб. 1-е; № 12, 14—Пономарево, погреб. 3-е; № 13, 15—д. Коркино на Лене; 16—«Сухая падь», мог. 1-й, погреб. 3-е

наблюдаются уже двусторонне-выпуклые топоры из нефрита и других пород камня; в могилах есть и топоры с «ушками». Очень разнообразен и обилен мелкий домашний инвентарь (скребки, ножи, отжимники из кости, листовидные ножи из металла с коленчатыми прорезными рукоятками из рога, точила, иглы, игольники и пр.).

Среди украшений на первом месте по красоте стоят эффектные «браслеты», «кольца» и диски из белого нефрита; чаще всего встречаются кружочки-бусы из белого мрамора и бусы из речного перламутра. Встречаются медные и бронзовые кольца и браслеты. Керамика представлена остродонными сосудами с штампованным орнаментом (прямой лопаточкой), резным—линейным, с штрихованной поверхностью.

Замечательны образцы искусства, носящие печать схемы и стилизации (изображения людей, в том числе вырезанные из мамонтовой кости), очень близкие к современным культовым изображениям таежных племен.

Общий уровень технического развития определяется наличием медных и бронзовых изделий, кованных и литых; причем, судя по своеобразию и архаичности их, следует предполагать местное металлургическое производство (рыболовные крючки, листовидные ножи, браслеты, бляшки).

Вместе с обогащением ассортимента изделий множеством новых форм исчезает много старых, также заметно снижается технический уровень в обработке камня, чувствуется вообще некоторое пренебрежение камнем, зато улучшается обработка кости, что связано, возможно, с широким применением металла. В хозяйстве обращает на себя внимание дальнейшее, по сравнению с Китоем, повышение удельного веса рыболовства и соответственно некоторое снижение роли охоты. Если в серовское время типичны погребения охотников, то в могилах глазковского времени самые характерные комплексы принадлежат рыбакам, снабженным обычно настоящей рыбацкой сумкой, где в строгом порядке сложена мелкая промысловая снасть. Из многих десятков энеолитических могил нельзя зато указать ни одной, которая по набору предметов охотничьего инвентаря могла бы идти в сравнение с любой серовской.

Столь характерная черта погребального обряда, как ориентировка мертвецов соответственно направлению реки, свидетельствует также об исключительном значении реки в жизни глазковцев. Даже в украшениях, в тысячах перламутровых кружочков, изготовленных из речных раковин, раскрывается все та же многосторонняя и повседневная связь людей глазковского времени с реками, на которых располагались их поселки, связь, о которой свидетельствуют и другие факты (вплоть до формы могильных сооружений, часто лодкообразных).

Погребальная обрядность энеолита отражает не только известные перемены в хозяйстве, но и далеко идущие сдвиги в жизни общества той поры. Намечается новая планировка могильников. Известны повторяющиеся случаи сочетания могил в определенном порядке, расположение их небольшими коллективными группами, которые могут соответствовать возникающей патриархальной семье.

Вполне закономерно, очевидно, впервые наблюдающееся в столь отчетливых формах, различие между мужскими и женскими захоронениями, окончательная дифференциация их по ассортименту погребальных вещей, обусловленная, несомненно, тем, что теперь труд мужчин стал «все», а работа женщины становится «ничем».

Закономерно и наличие в таких «коллективах» «второсортных» и явно сопровождающих погребений, которые могли принадлежать рабам.

Теперь и в больших могильниках различаются, с одной стороны, массовые бедные могилы и, с другой—отдельные богатые, т. е. особенно обильные вещами, с дорогими украшениями и металлом. Часто могилы «богачей» одновременно были могилами «воинов».

В устье реки Илги, притока р. Лены, был найден, например, костяк юноши-воина, вооруженного замечательным по форме и величине боевым нефритовым топором и снабженного латами типа палеоазиатского панцыря из костяных пластин, причем рядом лежал второй костяк—без вещей. Не менее интересная могила «глазковца» была обнаружена около села Нижняя Буреть, в местности Сухая Падь. Этот человек был богачом, хотя и лежал рядом со своими сородичами-бедняками на одном и том же кладбище. Он имел наилучшие вещи и в большом количестве. Это были костяные гарпуны-остроги, каменные наконечники стрел, ножи, копья и другие изделия. Его одежду щедро украшали блестящие бусы из перламутра и даже литые браслеты из золотистой бронзы. Однако «богачу» явно не повезло в жизни. В ребре и лопатке у него торчали каменные острия стрел². Он, очевидно, пал жертвой межродовой борьбы, кровавой мести. Теперь было из-за чего враждовать и нападать на соседей: появился «двуногий скот»—рабы, богатства в виде драгоценных украшений и вещей из металла.

Отмеченные факты, несомненно, стоят в связи с изменениями в экономике. Само по себе дальнейшее развитие столь трудоемкого производства, как рыболовство, могло, по аналогии с северо-западными индейцами Америки (хойда, тлинкиты, чимшиан), гиляками и обскими осятками, вести к применению в более широких масштабах рабского труда внутри отцовского рода. Одного рыболовства было бы, однако, еще мало. Несравненно важнее для понимания корней социальных сдвигов, отраженных в смене старых погребальных обычаев новыми, еще одно обстоятельство.

Археологи, занятые картографическими сводками находок бронзовых вещей, останавливаются в недоумении перед странным фактом: чисто степные по типу архайские изделия «карасукского» времени в тайге встречаются местами чуть ли не чаще, чем в самих степях. Любопытно, что даже самая изумительная по техническому совершенству вещь, приписываемая карасукским степным литейщикам, огромный и вместе с тем изящный меч (описанный Д. Н. Анучиным) был найден не в Минусинских и не в Забайкальских степях, а его нашли на Вилую.

Предполагают иногда, что все карасукские находки отмечают направление «карасукской экспансии»; говорят, что вглубь тайги продвигалась орда степняков, рассеивая по пути мечи, ножи и прочие вещи, вывезенные из родных степей. Но совершенно такое же положение дела наблюдается в иной хронологической обстановке далеко на западе от Байкала, в лесном Приуралье. Было бы странно объяснить обилие камского серебра, наличие там изысканных произведений византийских и сасанидских мастеров «экспансией» персов или нашествием византийцев.

Очевидно, и наличие карасукских вещей в тайге может быть объяснено, если эти вещи действительно «степные», обменом. Соседство лесных племен со степняками-скотоводами не могло не иметь весьма глубокого значения, ибо сам по себе факт такого соседства был вызван выделением скотоводов

² Следует отметить аналогичную находку Передельского на Енисее в погребении близкого к неолиту Прибайкалья времени; Передельский нашел и «латы» из костяных пластин, сходные с усть-илгинскими. На Алтае в позвонке одного костяка Афанасьевского времени также был найден наконечник стрелы из кремня.

из остальной массы варваров. Обмен между соседними племенами степей и тайги был прямым следствием и выражением первого великого общественного разделения труда. Влияние обмена между «андроновцами» и «карасукцами», с одной стороны, «глазковцами» — энеолитическими людьми тайги — с другой, на жизнь последних было поэтому гораздо могущественнее и глубже, чем влияние былого ограниченного обмена китойского времени. Обмен разлагал первобытное равенство сородичей; «самые низменные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния» — начали подкапываться под устои старого родового коммунистического строя. Одновременно намечалось расслоение, хозяйственно-этническое расщепление неолитических территориальных групп. На Селенге, например, энеолитические находки носят уже свой особый отпечаток (плоскодонные сосуды наравне с остродонными и т. д.). Обмен пушниной со степными скотоводами мог стимулировать и выделение оленеводов — бродячих охотников — из массы сидячих речных родов — собаководов, «пеших» людей. Произошли сдвиги и в идеологии. Интересно появление особых шаманских, судя по инвентарю, захоронений. Смена ориентировки указывает, в свете этнографических данных, на перелом в представлениях о загробном мире, в космогонических воззрениях. Можно предполагать, что именно смена материнского права отцовским, это всемирно-историческое по значению поражение женского пола, привела к созданию представлений о загробной стране, как обители бед и напастей; сама ее матриархальная владычица окружается ужасом, а обитатели страны мертвых также становятся объектом страха³.

Глазковский комплекс неразрывно связан со следующим, шиверским, целиком относящимся, однако, уже к «развитой бронзе» по техническому уровню, но пока еще слабо выявленным. Шиверский комплекс сменяется, повидимому, иными памятниками, из которых мы знаем пока лишь памятники «раннего железа», т. е. около начала н. э. (находки на Ангарских островах выше г. Иркутска и погребение у д. Белоусово на р. Лене; новые находки на Ангаре от Братска до стрелки).

Неолитические памятники Приангарья, взятые в качестве наиболее изученных и выразительных, обнаруживают много общего с неолитическими памятниками соседних областей Сибири. Сходные с ними находки известны в долине Енисея, на Лене, по Селенге, вплоть до Гоби. Зато от них во многом отличаются амурские неолитические находки, выделяющиеся среди других памятников неолита Азии в совершенно самостоятельную группу по характеру керамики, отчасти каменного инвентаря, по устройству жилищ и т. д. Отличны от ангарских и памятники «лесного неолита» Европейской части СССР.

Сравнение ангарских находок с неолитическими материалами Европейской части СССР и Запада, а также Амура и Восточной Азии, позволяет, однако, сделать, вопреки вульгарно-миграционистским теориям, вывод не только о самостоятельности и глубокой древности ангарского неолита, но и о некоторых общих для неолита закономерностях в развитии материальной культуры (например в смене форм керамики). Сравнение ангарской, или, точнее, байкальской, неолитической культуры с другими позволяет

³ Особо интересны легенды о «грехопадении», в результате которого мужское божество завладевает небом, а женщина-праматерь падает на землю и уходит вглубь вод преисподней, становящейся страной мертвых (ненцы, кеты и другие племена с патриархальным строем).

увидеть в ее некоторых особенностях, в конечном счете, и закономерное отражение своеобразной географической и исторической обстановки, в которых она складывалась и развивалась, в первую очередь—условий сибирской тайги.

Эта специфическая культура принадлежала жителям тайги, лесным охотникам и затем рыболовам, максимально приспособившимся в условиях того времени к окружающей их среде, но не остановившимся на достигнутом ими вначале уровне, а развивавшим свою материальную культуру, изменявшим свою жизнь и общественный строй на протяжении тысячелетий, как это показывает анализ последовательно сменявшихся групп памятников.

И тем поразительнее, на первый взгляд, что анализ этнографических и антропологических вспомогательных данных дает основания ставить в связь эту древнюю культуру с определенными реликтами в быту современных обитателей тайги (религия, одежда, рыболовство и охота, украшения и т. д.). Приведем хотя бы такой пример. В конце неолита таежники создали устойчиво повторяющийся во многих находках оригинальный костюм. Они носили не мешковатую неуклюжую одежду вроде чукотской или эскимосской, а легкую, не стеснявшую движений и скроенную в виде «фрака» с характерным нагрудником или передником, расшитым полосами перламутровых бляшек. На ногах у них была столь же легкая и мягкая обувь типа унтов; на голове маленькая, плотно облегающая темя шапочка, украшенная бусами и крупными бляхами из белого нефрита. Стоит взглянуть на изображение «тунгуса» в любом старинном описании, чтобы узнать в нем точное подобие основным чертам того костюма, который мы реконструируем по могильным находкам первого и отчасти начала второго тысячелетия до нашей эры. Даже идолов, украшавших, по словам Георги, «тунгусские» нагрудники XVII—XVIII вв., и тех удалось обнаружить в Усть-Уде; даже серебряные круги, «их, тунгусское дело», о которых писали казаки в XVII в. как об обычных украшениях одежды и шапок у «тунгусов», и те имеют своих предшественников в драгоценных дисках и массивных «браслетах» глазковского времени. Следует отметить также, что искусство энеолита тайги стилистически может быть рассматриваемо как бы в качестве материнской почвы, на которой могло вырасти современное (этнографическое) искусство эвенков с характерной для него прямолинейно-геометрической орнаментикой и тяготением к схеме, к стилизации в скульптуре. Более того, антропологические исследования подтверждают подобные сближения искусства, быта, материальной культуры и, по мнению антропологов, свидетельствуют не только об упомянутой генетической преемственности всей культуры, но и о прямом антропологическом кровном родстве с древним неолитическим ее населением современных коренных насельников тайги, в первую очередь пока эвенков, предания и легенды которых раскрывают в основном ту же картину их прошлого, что и вещественные памятники. Могут ли быть просто отброшены все эти факты, все эти совпадения? Очевидно, нет. Они требуют объяснения, которое следует искать в условиях местного исторического развития. Мы, к сожалению, еще далеки от полного представления относительно этих условий и самого исторического хода развития в тайге. Можно только предполагать, что на огромной территории, занятой тайгой, в силу ее малодоступности слабее сказывались политические перемены и перемещения этнических групп, устойчивее было ее население, долго сохранявшее свой родовой быт.

В ходе развития культуры длительно удерживались также и некоторые ее черты, именно те, которые соответствовали оставшимся неизменными естественным и производственно-трудовым условиям (одежда, лодки и пр.), а вместе с ними и другие частные особенности в виде, например, излюбленных украшений. Учитывая эти отдельные устойчивые черты, возможно проследить какую-то связь между древним населением, носителем своеобразной культуры, и его отдаленными потомками, прошедшими с тех пор длительный путь развития, оставившими позади сложную историю.

Но в быту одних ли только эвенков можно искать эти отдельные пережиточные черты? Очевидно, нет. Круг поисков должен быть расширен. С этой стороны также представляет бесспорный интерес совпадение криволинейной «ленточной» орнаментики (спираль простая и удвоенная, меандр и его вариации, мотив «плетенки») неолитических памятников Амура с народным орнаментом ряда местных племен, который раньше выводили из Китая, связывали с предполагаемым китайским влиянием. Совпадение элементов искусства подкрепляется здесь бесспорным сходством производственного быта и материальной культуры древних и новых обитателей Амура—рыболовов и охотников, у которых существовало это сходное и по-своему глубоко изощренное искусство.

Естественно поставить вопрос, не говорит ли и здесь такое совпадение, при наличии в относительно недавнем прошлом элементов патриархально-родового строя, о возможности проследить какие-то генетические связи между древним населением, достигшим столь высокого развития культуры в условиях матриархата, и его возможными отдаленными потомками, проделавшими тоже длительный путь развития.

Неизбежен для будущих исследований и другой вопрос—не указывает ли различие неолитических памятников Западного Прибайкалья, с одной стороны, Амура—с другой, на конечную стадию неолита, как время, когда впервые, быть может, дают себя знать существенные особенности крупных племенных групп и складываются соответствующие им этнические образования.

Отмеченные обстоятельства, требующие дальнейших детальных исследований и еще более широкого размаха раскопок, ставят нас, следовательно, перед задачей пересмотра всего «наследства» по неолиту Сибири, традиционных взглядов на него и, особенно, вульгарно-миграционных схем, столь модных у реакционно настроенных археологов и этнологов Запада. Новые факты и открытия настойчиво напоминают и о возможности, быть может, в недалеком будущем сомкнуть в какой-то мере исследования столь далекого прошлого Сибири, как неолит, с историей конкретных народностей и племенных групп.

